

ЕВА АРДЕН

ЛИНИЯ прилива

Роман

18+

18+

Ева Арден

Линия прилива

<https://litres.ru/74675429>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она приехала, чтобы узнать правду. Он сделает всё, чтобы прошлое осталось погребённым.

Лада привыкла доверять фактам, а не людям. Особенно таким, как Илья — холодным, упрямым и слишком хорошо умеющим хранить секреты.

Их сводит вместе опасная тайна, способная разрушить жизни целого города. Каждый новый шаг к разгадке превращается в испытание, а взаимная неприязнь постепенно уступает место притяжению, которому невозможно сопротивляться.

Но у Ильи есть причина бояться правды. И когда Лада узнает, какую роль он сыграл в событиях прошлого, ей придётся сделать выбор: предать собственные принципы или потерять мужчину, которому она впервые осмелилась довериться.

Некоторые тайны море возвращает на берег. А некоторые чувства уже невозможно похоронить.

История о запретном притяжении, болезненном доверии и любви, за которую придётся заплатить слишком высокую цену.

Содержание

Глава 1. Граница на карте	5
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ева Арден

Линия прилива

ЕВА АРДЕН

ЛИНИЯ ПРИЛИВА

Роман

Современная любовная проза · Психологическая драма ·

Романтический саспенс

18+

Авторский оригинал для редакционного рассмотрения

Глава 1. Граница на карте

Утром третьего сентября море лежало за домами так спокойно, словно никогда никого не обманывало.

Лада Нестерова знала цену этому спокойствию. На её столе стояли три чашки: в одной остывал кофе, в другой лежали кнопки, третья держала свернутую карту, которая упрямо пыталась распрямиться. По карте Нижняя коса выглядела беззащитной узкой ладонью, протянутой между доками и обводным каналом. Красные линии пересекали жилые кварталы под такими углами, каких не терпели бы ни один архитектор и ни одна старая соседка.

— Ты опять покрасила половину Заречной, — сказала Нина Ларина, остановившись в дверях с пакетом хлеба.

— Не покрасила. Отметила вероятную глубину при нагоне определённой обеспеченности.

— Если ты так скажешь людям, они решат, что нагон — фамилия человека, который нас собирается выселить.

Нина была на тридцать лет старше Лады и обладала редкой способностью одновременно осуждать собеседника и кормить его. Она выложила хлеб на край стола, закрыв собой старую отметку высоты, и провела пальцем вдоль линии берега.

— Здесь семья Самойловых. Ему семьдесят два, она после операции. Нельзя рисовать людей красным.

Лада достала синий карандаш. Его кончик за неделю стал коротким, как ноготь.

— Я рисую не людей. Я рисую воду.

— А придут за людьми. Не за водой.

Нина говорила без раздражения; от этого спорить было труднее. За её спиной в приоткрытой двери виднелась улица со свежевывытым дождём асфальтом. За углом висела вывеска бывшей переплётной мастерской. Буквы с неё сняли ещё в двадцатом году, но на штукатурке осталось светлое прямоугольное пятно. Иногда Лада просыпалась в городе, которого уже не было, и ей требовалось несколько секунд, чтобы вспомнить, почему вместо запаха клея из окон тянет мокрым известняком.

— На публичном обсуждении у тебя десять минут, — напомнила Нина. — Потом Белозёров даст слово своим умным людям. И они опять скажут, что наши дома уже не дома, а зона перспективного освобождения.

— Он скажет «территория с ограничениями использования».

— От этого чемоданы тяжелее не станут.

Лада спрятала в папку листы предварительных замеров. Три дома у самого канала она отметила отдельно, тонким тёмно-синим штрихом, настолько осторожным, что со стороны он мог показаться исправлением карандашной ошибки. У этих домов угроза была выше, чем говорили на собраниях. Данные ещё требовали проверки. Во всяком случае,

именно так Лада называла причину, по которой не показывала их Нине.

— После слушаний поговорим, — сказала она.

— Ты это говоришь третью неделю.

— Значит, у меня прекрасная постоянность характера.

— Постоянство — это когда каждый день в одно и то же время кормишь кота. А когда постоянно боишься одной бу-
мажки, это другое.

Нина не стала добиваться ответа. Положила Ладе в карман куртки завёрнутый в салфетку бутерброд, легко коснулась плеча и ушла собирать соседей. Лада ещё минуту смотрела на дверь. Потом обвела синим карандашом крошечную бронзовую точку у старого причала — геодезический репер, единственный сохранившийся с тех лет, когда улицы считали от уровня моря, а не от стоимости земли.

Перед уходом она ещё раз сверила схему с тем, что помнила ногами. Список геодезических точек был аккуратным, но в памяти Нижняя коса никогда не имела ровных прямоугольников. Угольный переулочек пах горячим хлебом только по утрам, потому что единственная пекарня открывалась раньше доков. На пересечении Портовой и Угольной всегда лаяла собака из-за деревянной калитки; теперь там была металлическая сетка, и собака давно умерла. Дом старой учительницы русского языка стоял выше соседних на четырнадцать сантиметров — она гордилась этим так, будто высоту определяла её личная аккуратность.

Лада раскладывала на полу прозрачные листы с разными сценариями и думала о том, как легко назвать такое место «расчётной территорией». Цифры позволяли ей видеть опасность, но могли и спрятать людей, если пользоваться ими без имён. С другой стороны, имена иногда мешали ей смотреть на цифры. Она знала, почему обошла в последней сводке самый низкий край Портовой. Там жили те, кто каждую осень приносил матери яблоки и помогал таскать доски после постопа.

Телефон завибрировал. Артём прислал фотографию старого исполнительного чертежа и приписку: «Только первая страница из открытого фонда. Остальное через запрос». Лада увеличила снимок. Внизу значились фамилии людей, которых она не знала, и обрезанная строка с датой. Архивист не нарушал правил ради неё, но всё-таки искал способ помочь. Она хотела написать что-нибудь тёплое и придумала лишь: «Спасибо. Буду обращаться официально». Потом добавила: «Как отец?»

«Стал раздражаться на передачи про ремонт, — ответил Артём. — Хороший признак. Скоро опять начнёт командовать, как поставить стол». Лада улыбнулась. Её собственная мать измеряла выздоровление не медицинскими показателями, а способностью спорить с дочерью о том, где держать кастрюли. Жизнь продолжалась в таких мелочах, и ни один проектный слайд не умел этого показать.

На лестнице она встретила мальчика с велосипедом. Он

спросил, правда ли, что на их улице скоро будут дома «для новых людей». Лада остановилась, посмотрела на его красные от холода пальцы и ответила: решение ещё не принято; взрослые спорят о безопасности и земле, но никто не должен выдавать предварительную картинку за готовый приговор. Мальчик подумал, потом спросил, можно ли будет кататься по будущей набережной. «Надеюсь, по безопасной, — сказала Лада. — И чтобы до неё не пришлось ехать через чужую гостиную». Он не совсем понял, но засмеялся. Ей стало легче на минуту.

Городская библиотека была рассчитана на сорок читателей, а не на полторы сотни разгневанных жителей. Стояли даже на лестнице. Вдоль стены развесили красивые изображения будущего «Восточного вала»: прогулочная набережная, молодые деревья, ровная дорожка для велосипедистов. На одной визуализации девочка с самокатом смотрела в закат с места, где сейчас находилась коптильня Нины.

— Опытные художники, — шепнула Лада. — Ни одной лужи.

— И ни одной старухи, — отозвалась Нина.

Руководитель муниципальной дирекции Олег Белозёров улыбался так терпеливо, будто лично изобрёл гражданское обсуждение и теперь жалел, что не запатентовал. Он говорил о ресурсах, времени, федеральном софинансировании и необходимости решений «без заложничества эмоций». Ла-

да делала на полях своей распечатки короткие пометки: нет расчёта; неверная отметка; опять нет расчёта.

Потом к экрану вышел инженер.

Он не походил на человека из строительной рекламы. Не был одинаково безупречен со всех сторон, как любят рисовать руководителей проектов. У него рано поседели виски, на левой руке возле часов виднелась полоска старого ожога, а пиджак был явно надет только ради этого мероприятия. Когда он взял маркер, то сначала написал в углу доски три исходных условия модели.

Лада почувствовала досадное уважение. Так делали люди, которые знали: ошибка чаще живёт не в результате, а в том, о чём заранее договорились молчать.

— Северин Илья Андреевич, — представил Белозёров. — Руководитель технической части независимой оценки.

«Независимой», мысленно повторила Лада и подчеркнула слово дважды.

Илья говорил коротко. Старый берег действительно не выдерживал сильного нагона; новая конструкция предусматривала перераспределение потоков; расчётная схема опиралась на работоспособность существующего отводного узла. Он не обещал невозможного, не называл проект единственным спасением, но заключительный слайд всё равно делил район на безопасную часть и ту, которую следовало освободить.

Лада подняла руку.

— В вашей модели береговая линия проходит по внешней кромке старой дамбы. На местности её нет уже семь лет.

— Я вижу, откуда ваше замечание, — сказал инженер. — Но для расчёта использована не физическая кромка, а проектная отметка противонагонной защиты.

— То есть вы построили защиту на бумаге, а потом проверили, защищает ли она бумагу?

В зале засмеялись. Он не улыбнулся.

— Если бы вы дослушали, я пояснил бы переход к натурным условиям.

— Я дослушала до карты расселения. Перехода так и не увидела.

— Сценарии отличаются в зависимости от положения Северного затвора.

— А положение вы проверяли?

Илья не стал смотреть на Белозёрова. Это была мелочь, но Лада заметила.

— Отдельный контрольный цикл запланирован.

— Вы предлагаете утвердить переселение до того, как проверите важный для модели механизм?

— Я не предлагаю утвердить переселение. Я представляю состояние проектной документации. Разница существует.

Лада встала. Её микрофон отключился на середине второго предложения; кто-то из последних рядов крикнул, чтобы она говорила громче. И она говорила, уже не глядя на экран: о низком участке улицы Портовой, о воде на стенах,

о том, что «перспективное освобождение» имеет привычку начинаться с отключённого отопления и заканчиваться пустыми домами. Сказала и о собственных замерах, из которых следовало, что часть домов южнее канала не нуждается в немедленном сносе.

Северин выслушал до конца.

— Дайте привязку измерений к общему высотному основанию, — предложил он. — Я пересчитаю модель.

— Я передала её в приложение две недели назад.

Белозёров кашлянул.

— Коллеги, не стоит превращать заседание в переписку двух ведомств.

— Я не ведомство, — сказала Лада.

— Это заметно, — ответил Северин, и в его голосе впервые прозвучало что-то человеческое: усталое раздражение, почти интерес.

Когда обсуждение завершилось, люди окружили её с вопросами, на которые у карты не было честных ответов. Сохранится ли дом у Людмилы Сергеевны? Будет ли компенсация за пристройку? Почему новая дорожка проходит через сад, посаженный к золотой свадьбе? Лада отвечала, что не знает. Одни благодарили за прямоту, другие обижались. К исходу часа голос охрип.

После выступления к ней подошла журналистка с диктофоном и спросила, есть ли у объединения жителей собственное решение. На записи, подумала Лада, хорошо прозвучало

бы обещание сохранить весь квартал. Ей хватило бы одного решительного предложения, чтобы на следующей неделе соседи узнавали её в магазинах с благодарностью. Вместо этого она попросила не вырезать условие из ответа.

— У нас есть требование: сначала измерить, потом решать. Не вся Нижняя коса одинакова. Если отдельные дома опасны, людям нужно безопасное временное место. Если другие дома можно защитить без выселения, нужен расчёт и обсуждение альтернатив. Одно не подменяет другое.

— Но жители выступают против переселения?

— Многие против того, чтобы их судьбу решили без них. Это не одно и то же.

Журналистка погасила диктофон с видом человека, которому предложили слишком длинный заголовок. К Ладе подошёл мужчина с загорелым лицом и представился владельцем ремонтной мастерской на Мельничной. Он держал в руках чёрно-белую фотографию отца за старым станком.

— Скажите по-человечески, если я сейчас вложусь в новую крышу, это глупость?

Лада почувствовала, насколько беспомощна её профессиональная честность перед такой просьбой. Ни геодезический прибор, ни карта не могли подсказать, стоит ли человеку тратить семейные деньги до решения комиссии. Она посоветовала сохранить чеки, дожидаться результатов независимой проверки и не брать дорогой кредит под неопределённость. Мужчина посмотрел на неё с разочарованием.

— А я думал, вы за нас.

— Я за то, чтобы вы знали, чем рискуете, — ответила Лада. — Мне жаль, что это не помогает решить всё сегодня.

Он ушёл, не попрощавшись. Белозёров, разговаривавший в нескольких метрах с помощником, заметил этот уход и улыбнулся с сочувствием, которое выглядело хуже злорадства. Лада снова вспомнила слова Нины: люди не хотят, чтобы их рисовали красным. Она не хотела и сама. Но особенно не хотела превратиться в человека, который выдаёт чужую надежду за измеренный факт.

Северин, пока она говорила с журналисткой, стоял у развешанных на стене схем и отвечал на вопросы пожилой женщины. Он не тыкал пальцем в опасную полосу; попросил женщину показать, где именно находится её дом, и переписал адрес в блокнот. Лада отметила, что он не пытался обещать провести новую дорогу мимо её участка. Почему-то это произвело на неё больше впечатления, чем его уверенность у микрофона. Пожалуй, самый неприятный вид противника — тот, у которого есть профессиональная совесть.

Северин нашёл её возле автомата с кофе. Бумажный стакан у неё в руке был пуст.

— Нестерова?

— Если вы собираетесь объяснить, почему моя геодезия неверна, я предпочла бы письменный ответ. Устный трудно прикладывать к жалобе.

— У вас на четвёртом листе ошибка в обозначении опор-

ного пункта.

— А у вас на двенадцатом несуществующая дамба. Кажется, мы квиты.

Он протянул ей её же распечатку. На полях аккуратным механическим карандашом было выведено: «Проверить репер 17-Б. Возможное смещение после осадки покрытия».

— Репер на причале, — сказала Лада. — Его не перенесли.

— Площадка могла просесть относительно стены.

— Я проверяла его по двум независимым отметкам.

— Тогда вы мне это покажете.

Она подняла глаза. Он смотрел прямо, без снисходительного прищура человека, привыкшего объяснять женщине её профессию. И почему-то это раздражало сильнее.

— Вы уже назначили мне свидание на причале?

— Пока только проверку уровня.

— Романтика Ветровска. Приведите свидетелей и не забудьте сапоги.

Угол его рта дрогнул. Затем улыбка исчезла, будто ему стало неловко из-за собственной реакции.

— У нас слишком мало времени на остроумие, Нестерова.

— Тогда перестаньте тратить его на замечания о моей четвёртой странице.

К вечеру ветер переменился. Лада дошла до старого причала, пока низкое солнце ещё позволяло прочесть на бето-

не зарубки прежних лет. Синяя отметка 2019 года была далеко выше сегодняшней воды — грубая неровная черта, сделанная когда-то её рукой. После того шторма она пыталась отмыть краску. Не получилось. Теперь была благодарна, что не получилось.

На новой бетонной плите возле складов мокрая полоса стояла выше проектного ориентира. Не намного, на ширину ладони. Но море, как знала Лада, редко начинало разговор с крика.

— Вы стоите слишком близко к краю, — сказал знакомый голос.

Северин появился с дорожной сумкой приборов. Очевидно, приехал прямо из библиотеки, так и не сменив рубашку, только расстегнул ворот. Он присел, посмотрел на влажный камень и выставил рейку.

— Вчера волна накатывала сюда при западном ветре, — сказала Лада.

— Это мог быть заплеск.

— А мог быть подъём.

— Именно поэтому я измеряю.

Дальше они работали молча. Илья держал рейку, Лада снимала показания и сравнивала их с координатами в планшете. На третьем повторе он наклонился к её записи.

— Ваш репер действительно не смещён, — сказал он.

— Не вынуждайте меня записывать это как исторический момент.

— Запишите. Я тоже хочу знать дату, когда ошибся.

Она невольно рассмеялась, но смех оборвал резкий стук металла. На временной площадке у края причала двое рабочих поднимали секцию ограждения. Одна из бетонных опор качнулась вместе с их весом.

Северин уже шагал к ним.

— Стойте. Сойдите на основную плиту.

— Нам велели закончить сегодня, — крикнул рабочий в оранжевом жилете.

— Я сказал, сойдите.

Это не был громкий приказ ради зрителей. В его голосе вдруг исчезла вся возможность спорить о формулировках. Рабочие отступили. Илья присел у края площадки, дотронулся до тёмной трещины и достал телефон. Он назвал точное место, видимый дефект, потребовал временно закрыть доступ и представился ответственным за техническое обследование. Не обещал «решить вопрос», не попросил никого подождать до утра.

Лада смотрела, как человек, которого два часа назад считала красивой технической вывеской чужого решения, без колебания останавливает работу перед чьей-то недовольной бригадой.

— Завтра вас будут ругать, — сказала она, когда он вернулся.

— Не страшно.

— А если скажут, что вы помешали срокам?

— В конце концов найдут что-нибудь более содержательное.

Он вытер ладонь о платок. На запястье проступил неровный светлый рубец. Лада отвела взгляд прежде, чем он успел заметить.

— По мокрой полосе пока рано делать вывод, — добавил он. — Но ваш исходный вопрос остаётся. Почему новое покрытие оказалось ниже проектного ориентира?

— Потому что кто-то хотел, чтобы на картинке берег выглядел ровнее?

— Потому что кто-то мог использовать устаревшую высотную отметку. Не каждую ошибку совершают с намерением.

— Результат от этого не обязательно становится мягче.

Он посмотрел на неё несколько секунд.

— С этим спорить не стану.

Мать встретила Ладу запахом обугленной бумаги. Ольга Нестерова проводила занятия для школьников в маленькой комнате над аптекой и всегда приносила домой то, что ученики называли браком: неровно сшитые тетради, обложки с перекошенными углами, буквы, отпечатанные вверх ногами. На этот раз она чинила настольную лампу; придерживала провод здоровой рукой, а повреждённая кисть лежала на столе, как отдельный осторожный человек.

— Ты опять не ела, — сказала мать вместо приветствия.

— Нина положила мне бутерброд. Это считается социальной защитой.

— А съела?

Лада вытащила из кармана сплюснутый свёрток. Мать только вздохнула.

В квартире было тепло. За окном хлопала плохо закреплённая форточка. На стене висел семейный снимок: отец, давно умерший от болезни, мама перед мастерской и Лада в студенческой куртке. Снимок сделали до наводнения. На нём никто ещё не подозревал, что вещи умеют исчезать за одну ночь.

— Сегодня снова говорили про наш дом, — начала Лада.
— Им нужен участок под сервисную дорогу. Хотя по реальной отметке можно отвести её восточнее.

— Нашего дома нет, Лада.

— Фундамент остался.

— Фундамент не умеет жить вместо людей.

Лада опустила сумку на пол.

— Ты всегда говоришь так, будто я защищаю кирпичи.

— А ты всегда слышишь так, будто я не помню, сколько твоего отца осталось в тех стенах.

Ольга осторожно положила пинцет, которым поправляла переплётную нить.

— Я помню. Помню лестницу, которая скрипела на второй ступени. Твой рост на кухонном косяке. Как ты в одиннадцать лет написала на корешке словаря «Словарь для тя-

жёлых случаев». Но я не хочу, чтобы ради этих воспоминаний кто-нибудь ночью остался по пояс в воде.

— Это не выбор между памятью и жизнью. Он существует только в их буклете.

— Тогда докажи это цифрами. И разреши цифрам доказать обратное, если они смогут.

Лада посмотрела на повреждённую кисть матери. После шторма врач говорил, что восстановление потребует времени; никто не уточнял, что у времени тоже бывают пределы. Ольга увидела этот взгляд и прикрыла руку платком.

— Не делай из меня памятник, — попросила она. — Я ещё собираюсь прожить довольно скучную старость.

Лада принялась чистить мандарин, который лежал на подоконнике. Сломала дольку пополам и отдала матери большую часть. В детстве они так делили всё вкусное. Теперь в этом движении было больше мира, чем в их разговорах.

— А инженер, который выступал? — спросила Ольга.

— Очень любит исходные допущения.

— Это болезнь?

— Профессиональная и, боюсь, хроническая.

— Значит, он хотя бы знает, что мир не обязан совпадать с его мнением.

Лада хотела возразить, но ничего подходящего не нашла.

После ужина Лада долго не могла уйти. Мать попросила снять с верхней полки коробку с переплётными нитями и рассортировать сохранившиеся по толщине. В коробке на-

шлись железные уголки для обложек, чайная ложка с погнутой ручкой и старый ключ от мастерской. Лада держала его на ладони; замок давно заменили, дверь сняли, а ключ всё ещё был тяжёлым, как положенная на весы нерешённая задача.

— Почему ты его оставила? — спросила она.

— Потому что тогда не могла выбросить. А потом просто забыла. Иногда вещь остаётся не по важной причине.

Мать сказала это без намёка. Лада провела большим пальцем по бороздке металла и вдруг вспомнила ноябрьскую ночь 2019 года. Не потоп целиком — сознание не выносило воспоминания такой величины, — а одну деталь. Как на углу Угольной стояли люди в разноцветных куртках и сверяли телефоны с распечаткой волонтёрского маршрута. Ветер переворачивал тонкие листы, вода блестела на перекрёстке. Она тогда держала карту и уверяла кого-то, что вторая дорожка ещё проходима. Позже выяснилось, что отметка на ней была условной. Лада знала о возможной ошибке раньше, чем об этом узнали люди у перекрёстка. Она ещё не могла вынести собственное воспоминание в полный дневной свет.

— Ты куда ушла? — тихо спросила Ольга.

— Никуда. В прошлом немного застряла.

— Там плохой воздух. Долго не оставайся.

Мать не потребовала рассказа. В её привычке отступать было больше уважения, чем в большинстве объятий. Лада сложила нитки, оставила ключ в коробке и записала на обо-

роте полевого листа один вопрос: «Что я не сообщаю, потому что боюсь, как этим воспользуются?» Ниже места хватало на несколько ответов. Ни одного она пока не написала.

Когда она вышла из подъезда, на далёком причале моргнул огонёк предупреждающего буйка. Ветровск медленно засыпал, и Лада знала почти каждую улицу, по которой ей предстояло завтра идти. Ей хотелось верить, что знание места делает человека надёжным. Но уже этой ночью она подзревала: иногда оно делает его пристрастным.

На следующее утро Нина позвонила в семь, хотя Лада легла после полуночи. В её голосе звучало то редкое торжество, которое обычно предвещало чужие неприятности.

— У нас окно, девочка. Девять дней на независимую проверку и ещё несколько — на материалы комиссии. Белозёров согласился, потому что у него журналисты в коридоре и потому что я пригрозила принести на слушания нашу канализационную воду в банках.

— Законный аргумент?

— Не знаю, никто не попросил протокол.

В девять Лада получила официальное письмо. Объединению жителей позволяли присутствовать на обследовании, предоставляли доступ к инженерным объектам в сопровождении ответственного специалиста, требовали общий перечень расхождений. Внизу стояли две фамилии: «Л. В. Нестерова» и «И. А. Северин».

Она перечитала письмо. Потом ещё раз, уже заметив приложенное сообщение от самого инженера: «Нужен исполнительный чертёж СЗ-18/4-Б. В новом комплекте его нет. Предлагаю начать с Северного затвора. Восемь тридцать завтра. Удобная обувь обязательна».

Откуда он помнил номер чертежа восьмилетней давности? Из опыта, решила Лада. Из той профессиональной памяти, которую сама ценила в себе и ненавидела обнаруживать в противнике.

Она ответила: «Буду в восемь пятнадцать. Обувь удобная. Вопросы — нет».

Ответ пришёл почти сразу: «Вопросы тоже берите».

Лада открыла карту. Между тёмно-синей линией канала и красными участками ещё оставалось белое пространство — место, где данные не были собраны. Ей хотелось считать это пространством надежды. Но отец когда-то говорил, что на чертеже белое не означает безопасное. Оно означает только то, что никто ещё не измерил.

На следующий день её работа начиналась именно там.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.